

A close-up photograph of a long-haired tabby cat sitting on a wooden floor. The cat has a mix of orange, brown, and white fur with dark stripes. Its eyes are large and green, and it has long white whiskers. The background shows a wooden bookshelf filled with books and a window with curtains.

Елена К.

Мяу, я слышу тебя.

Елена К.

Мяу, я слышу тебя.

«Автор»

2026

К. Е.

Мяу, я слышу тебя. / Е. К. — «Автор», 2026

Здесь вы познакомитесь с Барсиком — необычным котом, который первым почувствовал, что в их дворе скрыта особая сила. Вместе с ним вы станете свидетелями того, как обычный субботний вечер превращается в важное событие, где старые радиоприёмники оживают, а голоса из прошлого наполняют настоящее. Эта книга — о том, как важно сохранять связь времён. О том, что память не исчезает бесследно, а живёт в каждом из нас, передаваясь от сердца к сердцу. Здесь нет места скучным фактам и сухим датам — только живые истории, согретые теплом человеческих отношений. Вы узнаете, как обычный двор стал местом, где прошлое встречается с настоящим, а старые друзья находят новых. Где каждый голос, каждая история обретает новое звучание, соединяя разные поколения и создавая удивительную сеть памяти. Эта книга — для всех, кто хочет сохранить живую историю своего двора, своего города, своей страны. Для тех, кто не боится заглянуть в прошлое, чтобы лучше понять настоящее и создать будущее, наполненное памятью.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кекс, который всё усложнил	5
Глава 2. Тёща, полиция и кот-подозреваемый	7
Глава 3. Допрос с пристрастием и улика в полоску	9
Глава 4. Коробочка с секретом и гость, которого никто не ждал	11
Глава 5. Ключ, который не подходит ни к чему... или подходит ко всему	14
Глава 6. Барсик-сыщик и последняя улика	16
Глава 7. Сарай, сосед и правда, которая пахнет пирожками	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена К.

Мяу, я слышу тебя.

Глава 1. Кекс, который всё усложнил

Суббота началась так мирно, что я даже заподозрила неладное. Обычно утро в нашем доме — это симфония из детского топота, гудения стиральной машины и возмущённого мяуканья Барсика, который считает, что его миску должны наполнять ровно в 7:03, не секундой позже. Но сегодня стояла подозрительная тишина. Ни топота, ни гудения, ни мяуканья. Даже соседский пёс, который каждое утро устраивает концерт у забора, сегодня взял выходной.

Я приоткрыла один глаз, потом второй, прислушалась и поняла: мир либо вымер, либо готовит мне ловушку. Натянув халат поверх пижамы (с котиками, потому что в 38 лет всё ещё можно носить пижамы с котиками — это моё право, как матери двоих детей), я осторожно прокралась на кухню. Барсик не занимал привычную позицию у миски. Не лежал на столе, не сидел на холодильнике, не висел на дверце шкафа. Его не было нигде.

«Может, сбежал к соседям? — подумала я. — Или его похитили за плохое поведение?» Но тут взгляд упал на дверь кладовки — ту самую, где хранились стратегические запасы: мука, сахар, старые банки с вареньем, которое никто не ест, но выбросить жалко, и ключи от дачи. Дверь была чуть приоткрыта. А из щели тянуло чем-то... сладким.

— Барсик? — позвала я шёпотом, будто боялась спугнуть тишину. Ответа не последовало. Только сладкий запах становился всё настойчивее.

Я толкнула дверь. И замерла.

На нижней полке, среди банок с соленьями, старых веников и коробки с ёлочными игрушками (которые я каждый год обещаю разобрать, но так и не разбираю), лежал человек. В клетчатой рубашке, в старых сандалиях, с носком, сползшим на пятку. Лицо его было скрыто в тени, но я сразу узнала эти сандалии. Это был дядя Петя, сосед по даче, который неделю назад вышел за хлебом и не вернулся. Полиция уже успела его объявить пропавшим, а тёща — высказать мнение, что он просто сбежал от жены и теперь живёт где-то у любовницы.

— Ну вот, — пробормотала я, — тёща будет в восторге. Она ведь говорила: «Петя — человек безответственный». А теперь он лежит в моей кладовке.

Но это было ещё не самое странное. Из-за спины дяди Пети выглядывал небольшой кекс. Тот самый кекс, который я вчера испекла по бабушкиному рецепту, чтобы помириться с тёщей. И кекс был надкусан. С одного края. Будто кто-то попробовал и решил: «Ну, так себе, но есть можно».

— Барсик! — снова позвала я, уже громче. — Если это ты надкусил кекс, я тебя прощу, только появись!

Тишина. Только сладкий запах становился всё навязчивее, будто кладовка решила устроить мне засаду из ностальгии и ужаса одновременно.

В голове вихрем проносились мысли: «Полиция? Скорая? А если он не мёртвый, а просто спит? А если он проснётся и скажет: Что за кекс?» Я осторожно приблизилась, стараясь не наступать на старые банки, которые, кажется, стояли там с советских времён. Наклонилась, прислушалась... Дыхания не слышно. Пульс искать я не решилась — вдруг проснётся и схватит меня за руку.

«Ладно, — подумала я, — сначала кекс. Потом дядя Петя». Я схватила кекс и отнесла его на стол, будто это могло как-то всё упростить. Теперь у меня был кекс и труп в кладовке. И ни одной идеи, что с этим делать.

Именно в этот момент дверь в кладовку с грохотом распахнулась, и на пороге появилась тёща с неизменной сумкой через плечо. Сумка была тяжёлой — я знала это по тому, как она её носила: слегка наклоняясь вперёд, будто боролась с невидимым ветром.

— Марина, ты там скоро? — строго спросила она, оглядывая помещение. — Я же говорила, что к обеду нужно всё убрать! У нас сегодня гости, а тут бардак!

Я молча указала на нижнюю полку. Тёща проследила за моим пальцем, моргнула, потом ещё раз, будто пыталась переключить фокус зрения.

— Это что, Петя? — уточнила она, словно проверяя, не галлюцинация ли это.

— Похоже на то, — кивнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Тёща всплеснула руками, и сумка чуть не соскользнула с плеча.

— Какой ужас! Немедленно звони в полицию! И что это за кекс? Он что, надкусан?

Я вздохнула и достала телефон. Экран засветился, и я вдруг поняла, что не знаю, какой номер набирать. «112»? «02»? Или сначала позвонить мужу, чтобы он сказал, что делать?

— И ещё, — добавила тёща, уже тише, будто не хотела, чтобы дядя Петя услышал, — если это он надкусил кекс, то я ему этого не прощу. У него диабет, он не должен есть сладкое!

Я нажала «112» и поднесла телефон к уху. В трубке зазвучали гудки. А где-то в глубине квартиры раздался тихий, но очень узнаваемый звук: скрежет когтей по полу. Барсик наконец-то вышел из укрытия. И судя по его виду, он знал куда больше, чем хотел показать.

Кажется, мой обычный день превратился в нечто более увлекательное, чем я могла себе представить. А ведь всё начиналось с простого желания испечь кекс для семейного обеда...

Глава 2. Тёща, полиция и кот-подозреваемый

Гудки в трубке тянулись так долго, что я успела мысленно составить три версии событий: «Он просто спит», «Это розыгрыш», «Я сейчас всё объясню». Наконец, спокойный женский голос спросил:

— Служба спасения, слушаю вас. Что у вас случилось?

Я открыла рот, закрыла, снова открыла. Слова рассыпались, как мука из надорванного пакета.

— У меня... в кладовке... дядя Петя... — выдавила я. — Он пропал неделю назад, а теперь лежит у меня. И ещё кекс. Надкусан.

На том конце провода повисла пауза. Потом голос стал чуть мягче:

— Гражданка, вы в состоянии назвать точный адрес?

Пока я диктовала улицу и номер дома, тёща металась по коридору, как штормовой ветер по пляжу.

— Марина, ну что ты им про кекс рассказываешь! — шипела она. — Это вообще не главное! Главное — человек!

— Тёща, но кекс тоже важен! — возразила я. — Его кто-то надкусил!

— Да мало ли кто! Может, мыши! — отрезала она, но тут же осеклась, потому что из-за угла выглянул Барсик. Вид у него был подозрительно сытый, усы слегка припудрены чем-то золотистым.

«Мука?» — мелькнуло у меня. Или... крошки от кекса?

Барсик зевнул, будто хотел сказать: «Не смотрите на меня так. Я просто мимо проходил».

— Ты?! — ахнула тёща, тыча пальцем в кота. — Это ты надкусил кекс?!

Барсик фыркнул, развернулся и гордо удалился в сторону кухни, оставив нас с тёщей наедине с трупом и чувством, что день катится под откос быстрее, чем кастрюля с кипятком по лестнице.

Через двадцать минут в дверь позвонили. Не один раз, а настойчиво, по-деловому: три коротких, один длинный.

Я посмотрела на тещу. Она посмотрела на меня.

— Наверное, полиция, — прошептала я.

— Ну, наконец-то, — вздохнула она. — А то стоим тут, как две дуры, и на кекс смотрим.

Я пошла открывать. На пороге стояли двое: высокий мужчина в форме и женщина в штатском, с папкой в руках. У женщины были такие внимательные глаза, что я сразу почувствовала себя виноватой — даже в том, что вообще испекла этот кекс.

— Вы звонили по поводу обнаружения тела? — спросила женщина.

— Да, — кивнула я, отступая в коридор. — Проходите. Только... тут тёща. И кот. И... кекс.

Женщина в штатском подняла бровь, но ничего не сказала. А вот тёща не выдержала:

— Это не мы его туда положили! — заявила она с таким жаром, будто её уже собирались арестовать. — Мы вообще только пришли! И кекс я не трогала!

Полицейские переглянулись. Высокий достал блокнот.

— Давайте по порядку, — сказал он. — Кто обнаружил тело?

— Я, — призналась я. — Но сначала я нашла кекс. А потом дядю Петю. Или наоборот. Я уже запуталась.

— А кекс где? — вдруг спросила женщина в штатском.

Я указала на стол. Кекс лежал там, одинокий и слегка обиженный, будто понимал, что стал частью большого скандала.

— Его кто-то надкусил, — пояснила я. — Вот здесь.

Полицейский наклонился, присмотрелся.

— Следы зубов, — констатировал он. — Человеческие или...

Он посмотрел на Барсика, который устроился на подоконнике и делал вид, что он тут вообще ни при чём, просто любовался видом.

— Кот, — вздохнула тёща. — Это всё кот.

Барсик лениво дёрнул ухом, будто говорил: «Ну, если надо, пусть будет кот. Мне не жалко».

Дальше всё пошло как в плохом детективе, только с запахом ванили и старой мебели. Полицейские осмотрели кладовку, задали миллион вопросов, записали мои показания, потом показания тёщи (которые звучали как обвинительная речь в адрес всех соседей сразу), и наконец, когда казалось, что хуже уже быть не может, в дверь снова позвонили.

На этот раз это был муж. Он стоял на пороге с пакетом из супермаркета и выражением лица человека, который зашёл не в тот фильм.

— Привет, — сказал он, переводя взгляд с полицейских на тёщу, потом на меня, потом на кекс. — Я купил молоко. А что тут происходит?

Тёща всплеснула руками:

— Вот, наконец-то хоть один нормальный человек! Объясни им, что мы не убийцы!

Муж поставил пакет, потёр переносицу и посмотрел на меня:

— Марина... а ты опять влезла в какую-то историю?

Я хотела сказать, что это не я, это кекс, это кладовка, это дядя Петя... но вместо этого просто кивнула.

— Немного, — призналась я.

Муж вздохнул, будто знал, что этот день не будет обычным, ещё когда выходил из дома.

А Барсик, воспользовавшись всеобщим замешательством, тихо подкрался к кексу, схватил его и исчез в тёмном углу коридора.

— Эй! — крикнула тёща. — Верни кекс! Это улика!

Но Барсик уже растворился в полумраке, унося с собой главную загадку дня.

И вот тогда я поняла: расследование только начинается. И, кажется, главный подозреваемый — мой собственный кот.

Глава 3. Допрос с пристрастием и улика в полоску

Полицейский в форме, тот самый высокий, что первым вошёл в квартиру, посмотрел в сторону тёмного коридора, куда унёсся Барсик, и вздохнул так, будто за свою карьеру повидал всякое: и сбежавших попугаев, и подозрительные банки с огурцами, и даже один раз — торт, который кто-то пытался выдать за вещественное доказательство.

— Кот унёс улику, — констатировал он, записывая что-то в блокнот. — Это... нестандартно.

Тёща поджала губы:

— Да какой он кот! Это рецидивист! Я всегда говорила: взгляд у него хитрый.

Барсик из темноты коридора фыркнул, будто хотел сказать: «Я тут вообще мимо проходил, это всё кекс виноват».

Женщина в штатском, которую, как выяснилось, звали Елена Сергеевна, присела на табуретку у стола — самую шаткую, ту, на которой мы обычно стояли, чтобы достать банку с верхней полки. Табуретка скрипнула, но выдержала. Елена Сергеевна посмотрела на меня внимательно, как учительница на ученика, который клянётся, что домашнее задание съел хомяк.

— Давайте ещё раз, — мягко сказала она. — Спокойно. Вы пришли в кладовку. Что было первым: кекс или дядя Петя?

Я задумалась. В голове всё смешалось: запах ванили, шорох старых банок, тёщино «а я говорила», и этот нелепый надкушенный бок кекса.

— Честно? — призналась я. — Сначала я почувствовала запах. Сладкий. Потом увидела кекс. А потом... уже дядю Петю.

Елена Сергеевна кивнула, будто это была самая логичная цепочка в мире.

— А почему вы вообще пошли в кладовку?

— Потому что Барсика не было, — ответила я, покосившись в темноту. — Он всегда первым делом идёт к еде. А тут тишина. И дверь приоткрыта. Вот я и подумала...

— Что кота похитили? — с лёгкой усмешкой уточнила Елена Сергеевна.

— Ну, или он опять что-то натворил, — вздохнула я. — В прошлый раз он стащил пакет с кормом и устроил склад под ванной. Мы его три дня оттуда выманивали.

Муж, который всё это время стоял у двери, будто боялся войти глубже в квартиру и стать соучастником, наконец подал голос:

— Может, это вообще не дядя Петя? Может, это манекен? Или... ну, знаете, такие тренировочные тела для спасателей?

Высокий полицейский посмотрел на него с уважением:

— Хорошая версия. Но у этого «манекена» были свои сандалии. И носок сполз. Манекены так не делают.

Муж потёр переносицу и тихо сказал мне:

— Марина, скажи, что это просто очень реалистичный розыгрыш.

Я хотела бы сказать. Правда хотела. Но кладовка, кекс и тёща, которая уже начала составлять список всех соседей, кто «всегда косо смотрел», как-то не располагали к розыгрышам.

В этот момент из темноты коридора снова появился Барсик. Без кекса. Зато с видом кота, который только что совершил преступление века и теперь пытается выглядеть невинным. Он подошёл к Елене Сергеевне, потёрся о её ногу и уставился на неё огромными глазами, будто говоря: «Я вообще не при делах. Спросите вон ту банку с вареньем».

Елена Сергеевна осторожно погладила его между ушами.

— И часто он так улики прячет? — спросила она, глядя на меня.

— Только если считает их едой, — пробормотала я. — Или если думает, что мы хотим их у него забрать.

Тёща всплеснула руками:

— Так мы же не забираем! Мы хотим, чтобы он вернул! Это же улика!

Барсик зевнул, будто вся эта суеда его ужасно утомляла.

Елена Сергеевна встала, закрыла блокнот и посмотрела на всех нас по очереди — на меня, на мужа, на тещу, на кота.

— Сейчас приедет следственная группа, — сказала она спокойно. — Они осмотрят место, возьмут пробы, всё зафиксируют. А вам пока лучше не трогать ничего в кладовке. И... постарайтесь не давать коту ничего есть. Нам нужно понять, что именно он съел.

Тёща открыла рот, чтобы что-то возразить, но муж её опередил:

— Понял. Никаких вкусняшек. Даже если будет смотреть вот так.

Он показал на Барсика, который как раз снова принял позу «я умираю от голода, но это не точно».

Высокий полицейский достал перчатки и начал аккуратно осматривать полки в кладовке, стараясь не задеть банки, которые, кажется, стояли там с тех времён, когда мы ещё верили, что будем каждый год делать заготовки.

А я вдруг поймала себя на мысли, что среди всех этих банок, старых газет и коробок с ненужными вещами есть одна деталь, которую я раньше не замечала. На верхней полке, прямо над тем местом, где лежал дядя Петя, стояла маленькая жестяная коробочка с надписью «Пуговицы». Но я точно знала: пуговиц там не было. В этой коробочке я хранила бабушкины серьги — те самые, с янтарём, которые я надевала только на Новый год.

И сейчас коробочка была приоткрыта.

Я тихонько подошла к кладовке, стараясь не мешать полицейским, и заглянула внутрь. Серьги лежали на месте. Но рядом с ними... был кусочек ткани. Тёмный, грубый, похожий на кусочек старой рубашки.

Я замерла.

«Это не моё», — пронеслось у меня в голове.

Я посмотрела на мужа. Он как раз доставал из пакета молоко и ставил его в холодильник, будто это было самое важное дело в мире. Потом на тещу — она что-то горячо объясняла высокому полицейскому, размахивая руками. Потом на Барсика. Тот устроился на подоконнике и делал вид, что он тут вообще ни при чём.

Но я-то знала: коты не кладут вещи в коробочки.

Значит, кто-то был здесь до меня. Кто-то, кто рылся в кладовке. Кто-то, кто мог знать про коробочку. Кто-то, кто мог...

Я не успела додумать. Елена Сергеевна подошла ко мне и тихо спросила:

— Вы что-то заметили?

Я кивнула и показала на коробочку.

— Это не моя находка, — прошептала я. — Но, кажется, она может быть важной.

Елена Сергеевна посмотрела на коробочку, потом на меня — и в её взгляде появилось то самое выражение, которое бывает у людей, когда они понимают: история становится интереснее.

— Спасибо, — сказала она. — Это действительно важно.

И я вдруг почувствовала, что, возможно, из обычной женщины, которая просто хотела испечь кекс.

Глава 4. Коробочка с секретом и гость, которого никто не ждал

Елена Сергеевна надела перчатки, достала из сумки прозрачный пакетик и аккуратно переложила в него кусочек ткани из коробочки. Потом посмотрела на меня так, будто я только что сдала ей контрольную на пять с плюсом, и сказала:

— Молодец, что заметили. Это может быть очень важной деталью.

Тёща, которая всё это время стояла рядом и нервно теребила ремешок сумки, тут же встрепенулась:

— А что это за ткань? Откуда она? Это от рубашки дяди Пети? Он всегда ходил в клетчатом!

Высокий полицейский, который как раз закончил осматривать полки, покачал головой:

— Ткань не клетчатая. Скорее однотонная, тёмносиняя. Грубое плетение, похоже на рабочую одежду.

— Или на халат, — добавила я, вспомнив, что у соседки снизу был такой — старый, выцветший, она в нём на даче копалась. — Или... на куртку охранника. У нас во дворе один такой ходит, вечно что-то проверяет.

Елена Сергеевна кивнула, ничего не записывая, но я видела, как у неё в голове щёлкнуло: «запомнить».

— Хорошо, — сказала она. — Будем проверять все варианты. А пока... — она посмотрела на кладовку, потом на нас, — постарайтесь не мешать следственной группе. И кота держите под присмотром.

Барсик, услышав слово «кот», сделал вид, что он вообще не здесь. Он сполз с подоконника и исчез где-то за стиральной машиной — туда, куда обычно прячутся все, кто не хочет участвовать в разговорах.

Муж наконец-то перестал переставлять молоко из одной полки в другую и подошёл ко мне.

— Марина, — тихо сказал он, — ты уверена, что ничего не упускаешь? Может, ты ещё что-то видела? Какой-нибудь странный след, чужую вещь...

Я задумалась. В голове снова пронеслись картинки: приоткрытая дверь кладовки, сладкий запах, надкушенный кекс, дядя Петя в старых сандалиях... И тут меня будто током ударило.

— Банка! — воскликнула я. — Та, с надписью «Грибы»! Я же точно помню: мы грибы не собирали. Ни в этом году, ни в прошлом. А банка стояла прямо над дядей Петей.

Полицейские переглянулись. Высокий снова пошёл к кладовке, осторожно отодвинул пару коробок и достал ту самую банку. Этикетка была потрёпанная, будто её много раз трогали руками. На стекле виднелся лёгкий отпечаток пальца — не чёткий, но заметный.

— Интересно, — пробормотал он. — Очень интересно.

В этот момент в прихожей снова раздался звонок в дверь. Такой настойчивый, будто звонили не в квартиру, а в колокол.

Мы все замерли. Даже Барсик изза стиральной машины высунул ухо, прислушиваясь.

— Кто это может быть? — прошептала я.

Муж пожал плечами:

— Может, соседка? Или курьер? Хотя какой курьер в такой день...

Тёща поджала губы:

— Если это журналисты — я им не открою. Я вообще никому не открою!

Но открывать пришлось мне. Я подошла к двери, посмотрела в глазок — и чуть не отпрянула.

На лестничной площадке стояла Зинаида Степановна, старшая по подъезду. В руках у неё была корзинка, накрытая полотенцем, а лицо было такое, будто она только что раскрыла заговор века и теперь пришла делиться сенсацией.

Я медленно открыла дверь.

— Зинаида Степановна? — выдавила я. — А вы что тут...

Она не дала мне договорить. Протиснулась мимо, едва не сбив меня с ног, и сразу заявила:

— Я всё знаю! В лифте сказали, что у вас тут полиция! И труп! И кекс!

Тёща застонала, будто услышала самое страшное слово на свете.

— Откуда в лифте знают?! — возмутилась она.

Зинаида Степановна только махнула рукой:

— Лифт знает всё. Особенно если в нём сидят бабушки с третьего этажа.

Она поставила корзинку на стол, откинула полотенце — и там оказались пирожки с капустой. Горячие, с золотистой корочкой, от которых сразу запахло домом, детством и всеми семейными праздниками сразу.

— Вот, — сказала Зинаида Степановна. — Принесла. Для сил. И чтобы вы не думали, что я тут просто сплетни собирать пришла.

Елена Сергеевна, которая как раз вернулась из кладовки, посмотрела на пирожки, потом на Зинаиду Степановну — и вдруг улыбнулась. Впервые за всё время.

— Спасибо, — сказала она. — Это, кстати.

А Зинаида Степановна уже оглядывала квартиру, подмечая каждую деталь: полицейских, приоткрытую кладовку, тещу, которая пыталась спрятать сумку за спину, будто там было что-то компрометирующее.

— Так, — протянула она. — Значит, дядя Петя. В кладовке. И кекс надкушен. А кто надкусилто?

Все взгляды тут же метнулись к стиральной машине, изза которой снова выглянул Барсик. Вид у него был такой, будто он понял, что пирожки — это не ему, и теперь готов был на всё ради хотя бы одной корочки.

— Кот, — вздохнула теща. — Это всё кот.

Зинаида Степановна прищурилась:

— Не верю. У кота зубы другие. Я у своего проверяла.

Высокий полицейский едва заметно улыбнулся, но тут же снова стал серьёзным.

— У нас тут вещественные доказательства, — напомнил он. — И версия про кота пока не подтверждена.

В этот момент из коридора донёсся тихий, но очень характерный звук: скрежет когтей по линолеуму. Барсик выбрался из укрытия, обошёл всех по широкой дуге и направился напрямиком к корзинке с пирожками.

— Эй, нет! — крикнула теща. — Пирожки не для него!

Но Барсик уже прыгнул. Не на корзинку — на табуретку. С табуретки — на стол. И в тот самый момент, когда он приземлился, изпод полотенца что-то выпало.

Маленький ключик. Бронзовый, старинный, с витой бородкой. Он звякнул о столешницу и замер.

Зинаида Степановна побледнела.

— Это... не моё, — прошептала она. — Я такого не клала.

Елена Сергеевна тут же наклонилась, снова достала пакетик и аккуратно подняла ключик.

— Вы уверены? — спокойно спросила она.

Зинаида Степановна замотала головой так энергично, что заколка чуть не слетела с её волос.

— Абсолютно! Я только пирожки несла! И всё!

Муж посмотрел на меня, я — на него. В глазах у обоих читалось одно и то же: «День становится всё страннее».

А Барсик, воспользовавшись всеобщим замешательством, тихо стащил один пирожок, спрыгнул со стола и исчез в коридоре, унося с собой ещё одну улику — или просто ужин.

И тут я вдруг поняла одну вещь. Если в кладовке был чужой кусочек ткани, на полке — чужая банка, а теперь ещё и чужой ключик выпал из чужой корзинки... значит, кто-то очень старательно.

Глава 5. Ключ, который не подходит ни к чему... или подходит ко всему

Елена Сергеевна положила пакетик с ключиком в папку, будто прятала маленькую загадку, и посмотрела на Зинаиду Степановну уже не как на соседку с пирожками, а как на важный элемент головоломки.

— Расскажите, пожалуйста, — спокойно сказала она, — откуда у вас эта корзинка? Давно она у вас?

Зинаида Степановна схватилась за край стола, будто боялась упасть.

— Да лет десять уже! — выпалила она. — Ещё от свекрови осталась. Я в ней рассадку возила, потом варенье, а теперь вот пирожки... А ключик-то точно не мой! Клянусь!

Тёща, которая до этого стояла, скрестив руки, и смотрела на Зинаиду так, будто та пришла не с пирожками, а с повесткой в суд, вдруг смягчилась:

— Ну, не кричи ты. Видим, что не твой. Тут у нас вообще день такой: что ни тронь — сразу улика.

Высокий полицейский, которого, как я только сейчас заметила, звали Андрей Петрович, аккуратно потрогал банку с «грибами» и пробормотал:

— Отпечаток на стекле... надо будет снять. И ткань проверить. И ключик.

Я посмотрела на мужа. Он стоял у окна, будто пытался найти там подсказку — ну, знаете, как в фильмах: герой смотрит в окно, и ему вдруг всё становится ясно. Но за окном только двор, детская площадка и дворник дядя Миша, который подметал листья так старательно, будто надеялся замести все тайны района.

— Марина, — тихо сказал муж, — а ты не думаешь, что... может, это всё как-то связано? Кладовка, кекс, ткань, теперь ещё и ключик?

Я кивнула. В голове наконец-то начала складываться какая-то картина, хоть и кривая, как полка в нашей кладовке.

— Думаю, — призналась я. — Кто-то что-то прятал. Или искал. Или... хотел, чтобы мы это нашли.

В этот момент из коридора снова появился Барсик. Без пирожка. Зато с видом кота, который только что совершил подвиг и теперь ждёт похвалы. Он подошёл ко мне, боднул руку и уставился на меня своими огромными глазами, будто хотел сказать: «Я тут всё проверил. В квартире три подозрительных запаха, один из них — от ключа».

— Ты где был? — шёпотом спросила я.

Барсик фыркнул, будто «где был» — это слишком личное, и запрыгнул на подоконник. Там он сел, поджал лапы и стал наблюдать за происходящим, как строгий судья.

Зинаида Степановна всё ещё оправдывалась:

— Я правда не клала этот ключик! Может, он там давно лежал? Может, между прутьев застрял? А сегодня выпал, когда я корзинку тряхнула!

Елена Сергеевна кивнула, не споря, но я видела: она всё записывает. Даже то, как Зинаида Степановна тербит край полотенца.

— Хорошо, — сказала она. — Мы проверим. А пока... постарайтесь не трогать корзинку. И ничего не убирайте.

Тёща вздохнула так тяжело, будто на неё повесили всю ответственность за сохранность улик в районе.

— Ладно, — проворчала она. — Только пусть этот... ключ... не лежит тут как приманка для кота.

Андрей Петрович усмехнулся — впервые за весь день:

— Кот у вас, похоже, главный криминалист. Всё нюхает, всё таскает.

— Он не криминалист, — буркнула тёща. — Он вредитель.

Барсик на подоконнике дёрнул ухом, будто: «Ну, если так, то я вредитель. Мне подходит».

В прихожей снова раздался звонок. На этот раз короткий, резкий, как будто звонили не в дверь, а в тревожную кнопку.

Мы все переглянулись. Даже Барсик приподнял голову.

— Опять кто-то? — прошептала я.

Муж пошёл к двери, по дороге поправил рубашку, будто собирался не открывать, а выступать с докладом. Посмотрел в глазок, поморщился и тихо сказал:

— Это соседка с пятого этажа. Та, что всё время жалуется на шум.

— Пусть жалуется! — всплеснула руками тёща. — У нас тут труп, а она на шум жалуется!

Но муж всё-таки открыл. На пороге стояла Лидия Павловна — в пальто, с сумкой на колёсиках и таким лицом, будто она только что выиграла спор с управляющей компанией и теперь готова к новым подвигам.

— Здравствуйте, — строго сказала она, глядя не на мужа, а куда-то в глубину квартиры, туда, где стояли полицейские. — Я хотела поговорить насчёт шума. У меня сегодня мигрень, а у вас тут... какое-то движение.

Елена Сергеевна вышла вперёд и представилась. Лидия Павловна побледнела, схватилась за сумку и прошептала:

— Труп? В кладовке?

— Пока не разглашаем, — спокойно ответила Елена Сергеевна. — Но да, ведётся проверка.

Лидия Павловна вдруг наклонилась вперёд и прошептала так, что услышала даже я, стоявшая в другом конце комнаты:

— А я видела! Вчера вечером! Кто-то ходил у вашей кладовки! В тёмной куртке! Я ещё подумала — странно, ведь кладовка-то закрыта!

Мы с мужем замерли. Тёща перестала ворчать. Даже Зинаида Степановна забыла про пирожки.

— Вы уверены? — спросила Елена Сергеевна, доставая блокнот.

— Абсолютно! — заявила Лидия Павловна. — Я как раз выносила мусор. И видела тень. И слышала шорох. А потом дверь кладовки чуть приоткрылась, и кто-то быстро ушёл по коридору. Я ещё хотела крикнуть: «Эй, ты что там делаешь?», но... побоялась.

Андрей Петрович кивнул:

— Это очень важная информация. Вы сможете описать человека? Рост, одежда, что-нибудь ещё?

Лидия Павловна задумалась, потёрла виски — видимо, мигрень всё-таки давала о себе знать — и сказала:

— Роста среднего. Куртка тёмная, вроде синей. На голове... кажется, кепка. Или капюшон. Точно не скажу.

Я вспомнила кусочек ткани из коробочки — тёмносинюю, грубую. Сердце ёкнуло.

«Та же куртка?» — пронеслось у меня в голове.

Елена Сергеевна посмотрела на меня, будто почувствовала, о чём я думаю, и тихо сказала:

— Не спешите с выводами. Но совпадение... заметное.

В этот момент Барсик прыгнул с подоконника, прошёлся по комнате, остановился у корзинки Зинаиды Степановны, понюхал её, фыркнул и направился напрямик к кладовке. Там он сел перед дверью, уставился внутрь и начал громко мяукать — так, будто требовал: «Откройте!»

Глава 6. Барсик-сыщик и последняя улика

Барсик мяукал всё настойчивее, будто знал, что именно в кладовке скрыта разгадка всех сегодняшних событий. Елена Сергеевна посмотрела на него с уважением:

— Похоже, ваш кот действительно главный эксперт по расследованиям.

Андрей Петрович достал телефон и начал кому-то звонить:

— Подкрепление нужно?

— Да, — кивнула Елена Сергеевна. — И специалиста по замкам.

Пока ждали, все замерли в ожидании. Даже Зинаида Степановна перестала теребить полотенце и замерла с пирожками в руках. Лидия Павловна, которая всё ещё стояла на пороге, вдруг побледнела:

— А если это кто-то из наших соседей? Я же говорила, что видела тень!

— Мы разберёмся, — спокойно ответила Елена Сергеевна. — Но пока прошу всех оставаться на местах.

Барсик тем временем не терял времени. Он обошёл кладовку по кругу, принялся к полу, потом запрыгнул на верхнюю полку и начал скрести когтями по пыльной поверхности.

— Что он там делает? — удивилась тёща.

— Возможно, пытается что-то найти, — предположил Андрей Петрович. — Или оставить след.

В этот момент дверь в кладовку тихо скрипнула, и все напряглись. Барсик спрыгнул вниз, приземлился точно в центр комнаты и уставился на нас с видом победителя.

Через пять минут приехал специалист по замкам. Он быстро осмотрел дверь, поколдовал над замком и открыл её.

— Странно, — пробормотал он. — Замок не взломан. Похоже, его открыли ключом.

Елена Сергеевна достала пакетик с ключом и показала специалисту:

— Вот этим?

— Возможно, — кивнул тот. — Но это не объясняет, как он попал в кладовку.

Барсик снова запрыгнул на подоконник и начал вылизываться, будто говорил: «Я всё сделал правильно. Теперь ваша очередь».

— А что, если это не ключ от замка? — вдруг сказала тёща. — Может, это ключ от какого-то тайного хода?

— Давайте сначала найдём этот ход, — вздохнула Елена Сергеевна. — А потом будем думать о тайнах.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Барсик вдруг рванул к корзинке Зинаиды Степановны, схватил один пирожок и с победным видом скрылся за стиральной машиной.

— Эй! — возмутилась Зинаида Степановна. — Это же мои пирожки!

Но никто не обратил на неё внимания. Все были заняты более важными делами.

— Марина, — тихо сказал муж, — кажется, этот день никогда не закончится.

— А я говорила, что не стоит печь этот кекс, — вздохнула тёща. — Теперь вот расхлёбываем.

В этот момент в дверь снова позвонили. На этот раз звонок был таким настойчивым, что казалось, будто кто-то пытается выбить дверь ногами.

— Кто ещё? — простонала тёща.

Но открывать пришлось мне. На пороге стоял тот самый дворник дядя Миша с метлой наперевес.

— Там, — указал он куда-то за угол дома. — Опять что-то странное. То ли кошка, то ли человек в тёмной куртке. И точно не одна.

Мы все переглянулись. Барсик спрыгнул с подоконника, сделал вид, что это не он только что украл пирожок, и направился к выходу.

— За ним! — скомандовала Елена Сергеевна. — Возможно, это наш главный подозреваемый.

И мы всей компанией, включая дворника, отправились за Барсиком. А тот, как опытный сыщик, вёл нас через двор, мимо детской площадки, к старому сараю на краю участка.

Когда мы подошли ближе, из-за угла сарая действительно выскользнула тень. В руках у неё был тот самый кусочек ткани, который мы нашли в кладовке.

— Стоять! — крикнула Елена Сергеевна. — Полиция!

Тень замерла, потом медленно повернулась. И мы увидели... нашего соседа, который явно не ожидал такого тёплого приёма.

— Ну вот, — пробормотал он. — Опять вы со своими расследованиями.

Барсик, который всё это время шёл впереди, остановился, посмотрел на соседа и... зевнул.

— Похоже, дело закрыто, — сказала Елена Сергеевна. — А кот получает звание лучшего сыщика квартала.

И тут из сарая выскочил Барсик, держа в зубах последний пирожок.

— А как же пирожки? — возмутилась Зинаида Степановна. — Я их для всех принесла!

Но Барсик уже скрылся за углом дома, оставив после себя только лёгкий запах ванили и тайну, которая, возможно, никогда не будет раскрыта полностью.

Глава 7. Сарай, сосед и правда, которая пахнет пирожками

Сосед, тот самый, что выскользнул из-за угла сарая, замер, будто пытался прикинуться частью пейзажа — ну, вроде старой доски или кучи опавших листьев. На нём и правда была тёмносиняя куртка, грубая, поношенная, с оторванной пуговицей. Та самая, от которой мы нашли лоскуток в коробочке.

— Виктор Семёнович? — удивлённо протянула я. — Это вы?

Он моргнул, потёр лоб рукавом и вздохнул так тяжело, будто на нём висел не только этот день, а вообще все дни с начала года.

— Я, — признался он. — Только... вы не подумайте, я не убийца.

Тёща тут же скрестила руки и прищурилась:

— А что тогда ты делал в кладовке? И зачем тебе ткань из коробочки?

Виктор Семёнович поёжился, будто от её взгляда стало холоднее, чем от октябрьского ветра.

— Да не в кладовке я был! — возразил он. — Я... я туда не заходил. Я к сараю ходил. Свой старый ящик искал. А ткань... она у меня из куртки оторвалась. Наверное, зацепился, гдето.

Елена Сергеевна шагнула вперёд, спокойно, но так, что сразу становилось ясно: шутить она не собирается.

— Расскажите всё по порядку, — попросила она. — И без утайки.

Виктор Семёнович посмотрел на нас, потом на Барсика, который устроился на невысоком бордюре и делал вид, что он тут вообще ради свежего воздуха, а не ради расследования. И вдруг, будто найдя в коте союзника, начал говорить.

— Понимаете, — начал он, — у меня в сарае стоял ящик. Старый, деревянный, ещё от отца остался. В нём я хранил всякие мелочи... и коечто важное. А вчера вечером я пошёл туда — и ящика нет. Совсем. Пустота. Я обошёл весь двор, заглянул за кусты, под скамейки... и тут вижу — тень у вашей кладовки мелькнула. Я подумал, может, кто-то ящик мой туда спрятал. Ну, или видел, как его унесли. Вот и подошёл поближе. А потом услышал шаги, испугался и убежал.

Лидия Павловна, которая всё это время стояла чуть позади, вдруг кивнула:

— Так вот кто это был! Я же говорила — тень!

Андрей Петрович достал блокнот и начал записывать.

— А ключик? — вдруг спросила Зинаида Степановна. — Тот, что из корзинки выпал. Он тоже твой?

Виктор Семёнович нахмурился:

— Какой ключик?

Елена Сергеевна достала пакетик и показала ему.

— Вот такой. Бронзовый, с витой бородкой.

Он присмотрелся и вдруг побледнел.

— Это... — прошептал он. — Это от ящика. От отцовского. Я его всегда с собой носил. А вчера... вчера я его точно в карман клал. А потом... не помню. Может, выпал, когда я за кустами прятался.

В воздухе повисла тишина. Только Барсик зевнул и потянулся, будто хотел сказать: «Ну вот, почти всё ясно. А теперь можно и пирожок».

— Значит, — медленно произнесла Елена Сергеевна, — вы искали свой ящик, заметили что-то подозрительное у кладовки, испугались и убежали. А ключик потеряли.

— Да, — кивнул Виктор Семёнович. — Клянусь. Я никого не трогал. И уж тем более дядю Петю... я его вообще почти не знал.

Я посмотрела на мужа. Он стоял рядом, слегка приобняв меня за плечи, и в его взгляде читалось: «Кажется, мы начинаем распутывать этот клубок».

— А банка с «грибами»? — вдруг вспомнила я. — Та, что стояла в кладовке. Она тоже ваша?

Виктор Семёнович замотал головой:

— Нет. Никогда такой не видел.

И тут меня осенило.

— Подождите, — сказала я. — А если... если ящик не просто пропал? Если его кто-то специально забрал? И оставил вместо него... улики?

Все посмотрели на меня так, будто я только что сказала, что-то очень умное. Даже Барсик приподнял ухо.

— Продолжайте, — спокойно сказала Елена Сергеевна.

— Ну, — замялась я, — вдруг кто-то хотел, чтобы мы нашли эти вещи? Чтобы подумали на кого-то другого? Или... чтобы мы вообще ничего не поняли и запутались.

Андрей Петрович хмыкнул:

— Неплохая версия. Иногда лучший способ спрятать правду — это оставить кучу ложных следов.

Виктор Семёнович вздохнул:

— Получается, меня хотели подставить?

— Пока не знаем, — ответила Елена Сергеевна. — Но будем проверять.

В этот момент изза угла дома снова появился Барсик. В зубах у него был не пирожок, а... маленький свёрток. Грязный, потрёпанный, перевязанный бечёвкой. Он подошёл ко мне, положил свёрток к ногам и сел рядом, будто говорил: «Вот. Это важнее пирожков».

Я осторожно наклонилась и развязала бечёвку. Внутри оказалась старая фотография. Потёртая, выцветшая, но на ней можно было разглядеть троих мужчин — и среди них был дядя Петя. Они стояли у того самого сарая, улыбались, а на фоне виднелся тот самый деревянный ящик.

— Это... — прошептала я. — Это же...

Елена Сергеевна взяла фотографию, присмотрелась и вдруг тихо сказала:

— Кажется, мы нашли первую настоящую улику.

Виктор Семёнович наклонился, взгляделся в снимок и вдруг выдохнул:

— Боже... Это же мы. С отцом и дядей Петей. Лет тридцать назад. Мы тогда сарай строили. А ящик... в нём отец хранил документы. Старые, важные. Я думал, они никому не нужны...

Тёща, которая до этого молчала, вдруг сказала:

— Значит, кто-то искал эти документы. И подстроил всё так, чтобы подозрение пало на тебя.

Виктор Семёнович кивнул, будто сам только что всё понял.

— Да, — прошептал он. — Кто-то знал про ящик. И про документы. И про ключик.

Барсик, словно почувствовав, что его миссия выполнена, подошёл к Зинаиде Степановне, сел у её ног и уставился на корзинку с пирожками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.